

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.15>

Валиахметов Альберт Наилевич

Отечественная историография о роли Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань в 1918 году

Статья раскрывает понимание советскими, эмигрантскими и современными российскими историками роли Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань в 1918 году. Основное внимание уделено изучению мнений историков по вопросам об отношении командования Чехословацкого корпуса к захвату Казани, о вкладе чехословацких легионеров в захват и оборону города, об обстоятельствах оставления ими Казани. Освещается влияние на изучение данной темы доминирующих тенденций в историографии различных направлений (тезис о едином антибольшевистском лагере - в советской, поиск причин поражения - в эмигрантской, синтез концепций предшественников и зарубежных коллег - в новейшей отечественной историографии).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/15.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 77-81. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Historiography, Source Study and Historical Research Methods

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 21.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.15>

Статья раскрывает понимание советскими, эмигрантскими и современными российскими историками роли Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань в 1918 году. Основное внимание уделено изучению мнений историков по вопросам об отношении командования Чехословацкого корпуса к захвату Казани, о вкладе чехословацких легионеров в захват и оборону города, об обстоятельствах оставления ими Казани. Освещается влияние на изучение данной темы доминирующих тенденций в историографии различных направлений (тезис о едином антибольшевистском лагере – в советской, поиск причин поражения – в эмигрантской, синтез концепций предшественников и зарубежных коллег – в новейшей отечественной историографии).

Ключевые слова и фразы: Гражданская война в России; борьба за Казань в 1918 году; Чехословацкий легион в России (Чехословацкий корпус в России); чехословацкие легионеры; отечественная историография.

Валиахметов Альберт Наилевич, к.и.н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
albert80@mail.ru

Отечественная историография о роли Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань в 1918 году

Борьба за Казань была одним из ключевых эпизодов Гражданской войны в России. Для Комуча взятие Казани – это «вершина успехов в Поволжье» [25, с. 351], для Красной армии победа под Казанью – «Вальми русской революции», т.е. первый крупный успех [19, с. 38]. Казань была взята войсками Народной армии при участии легионеров Чехословацкого корпуса. **Актуальность** темы данной работы заключается в необходимости продолжить осмысление соотношения роли местных антибольшевистских сил и иностранных воинских формирований в Поволжье в 1918 году. Это будет способствовать более глубокому пониманию вопроса о соотношении политических и военных сил в годы Гражданской войны в России.

Целью настоящей работы является изучение точек зрения отечественных историков на роль Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань в 1918 году. **Научная новизна** статьи заключается в комплексной характеристике взглядов советских, эмигрантских и современных отечественных историков на роль легионеров Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань в годы Гражданской войны в России.

В литературе русского зарубежья в 1920-1930-е годы был поставлен вопрос об отношении представителей чехословацкого командования к планам захвата Казани. Было высказано единодушное мнение, что военное руководство Чехословацкого корпуса было против наступления на город. По словам бывшего начальника оперативного отделения штаба Народной армии Комуча генерала П. П. Петрова, Чечек, Галкин и Штаб в Самаре «не верили в то, что Казань сумеет после занятия обеспечить себя и удержаться собственными силами; считали, что удар в чувствительное место заставит Советскую власть напрячь все усилия для обратного овладения и что потому туда потребуются большие подкрепления, которых не было в запасе» [25, с. 98-99]. В этой связи полковник С. Чечек был согласен только на «демонстрацию» и настаивал на скором возвращении чехословацких легионеров, даже в случае удачного исхода военной операции [Там же, с. 100]. По словам генерала А. Зайцова, С. Чечек больше склонялся к юго-западному направлению и к наступлению на Саратов [10, с. 214]. О скептическом отношении С. Чечека к возможному захвату Казани писали и другие авторы [9, с. 70, 73].

В советской историографии интерес к истории Чехословацкого корпуса (а точнее, к истории «борьбы с чехословацким мятежом») обозначился ещё в 1920-е годы. В 1924 году был издан сборник документов «Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.» [2]. Советские

историки в этот период отмечали, что наступление антибольшевистских сил на Казань было вызвано стремлением минимизировать «невыгоды главного операционного направления» [14, с. 206]. При этом Н. Е. Какурин не характеризовал позицию чехословацкого командования по вопросу о наступлении на Казань, а писал, скорее, о позиции командования Народной армии Комуча в целом.

Стремление представить антибольшевистский лагерь единым целым, не вникая в возможные противоречия в его рядах, сохранилось в советской историографии в 1930-1950-е годы. М. Бубеннов и А. Валеев высказали мнение, что захват Казани для «бело-интервентов» был важной предпосылкой для того, чтобы организовать поход на Москву. Возможно, что именно по этой причине «бело-интервенты стремились захватить Казань как можно скорее» [3, с. 14]. Отметим, что в работе, изданной в 1956 году, А. М. Валеев заменил «белоинтервентов» на «белочехов»: «...белочехи прилагали все усилия к быстрейшему её (Казани. – А. В.) захвату» [4, с. 40].

Историки в этот период писали о наличии у антибольшевистских сил предварительно разработанного плана относительно взятия Казани, который якобы был выработан на совещании представителей Чехословацкого корпуса с участием англо-французского командования, эсеров и членов нарождавшегося Комитета членов Учредительного собрания 27 мая 1918 года [30, с. 9]. Подобные утверждения должны были подчеркнуть единство и согласованный характер действий представителей антибольшевистских сил.

В 1960-1980-е годы в оценке советских историков чехословацкие легионеры продолжали оставаться частью обобщенного образа врага: «Захвату Татарии и Казани белогвардейцы, чехословаки и их хозяева англо-американские империалисты придавали важное значение» [21, с. 34]. Подобный подход встречается в изданиях вплоть до 1991 года: «...противник по настоянию представителей Антанты решил нанести главный удар в направлении Казань – Нижний Новгород» [13, с. 46].

В то же время в советской историографии на этом этапе была высказана и другая точка зрения относительно позиции командования Чехословацкого легиона по вопросу о захвате Казани. По мнению М. К. Мухарямова и А. Л. Литвина, С. Чечек, который руководил чехословацкой группировкой в Поволжье, был против похода на Казань, «ссылаясь на недостаток сил и растянутость фронта» [22, с. 21]. По словам Г. З. Иоффе, «в Самаре понимали, что летние “ошеломительные” победы имеют нежелательные последствия: фронт и коммуникации неуклонно растягивались, что при наличии относительно небольших [резервов] представляло собой немалую опасность. Там, за линией фронта (и этого не могли не понимать белочешские, самарские и омские стратеги), большевистская партия с присущей ей нестигаемой волей мобилизует все силы для решительного отпора врагу» [12, с. 74-75]. При этом Г. З. Иоффе чуть ли не дословно пересказал аргументацию С. Чечека против наступления на Казань [25, с. 34]. Историк указывал на то обстоятельство, что «захват Казани не входил в заранее разработанный стратегический план Комуча. Его лидеры склонялись к тому, чтобы развивать наступление в юго-западном направлении» [12, с. 63-64].

Не все советские историки были согласны с подобной трактовкой. По мнению А. П. Ненарокова, неверно считать, что С. Чечек был противником наступления на Казань [23, с. 200]. В исторической литературе можно встретить упоминание плана, принятого на совещании в Симбирске 27 июля 1918 года: захват Казани преподносился как часть плана по продвижению на север и был обусловлен требованием представителей стран Антанты (прежде всего Англии) [8, с. 182, 184]. Рассуждения руководителей Комуча о том, что взятие Казани было «катастрофической ошибкой», расценивались как «самоуспокоительное объяснение провала» [23, с. 200], которое «не соответствует действительности» [7, с. 89].

Ссылку на совещание 27 июля 1918 года и принятый там план можно встретить и в научных работах второй половины 1990-х годов [18, с. 170]. При этом автор ссылается не на документы, а на издание «Гражданская война в СССР» [8, с. 184].

В современной отечественной историографии интерес к истории Чехословацкого корпуса (прежде всего к участию в событиях Гражданской войны в России) находится на стабильно высоком уровне. В настоящее время историки рассматривают различные аспекты значения Казани в событиях Гражданской войны в России [5; 6; 15; 24; 26]. Во всех подобных работах роль Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань не является непосредственным объектом изучения. Наибольшее внимание этому вопросу в современной российской историографии уделит саратовский историк А. Г. Рыбков [26, с. 148-163]. Следует также отметить издание в 2012 году в Казани сборника документов и воспоминаний «События гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев» [29].

По словам А. Г. Рыбкова, С. Чечек был против плана наступления на Казань и выступал за южное направление, в то время как руководство Комуча придерживалось противоположной точки зрения [26, с. 148]. То, что С. Чечек в итоге не стал противиться наступлению на Казань, А. Г. Рыбков объясняет тем, что для войск Чехословацкого корпуса не было принципиальной разницы, в каком направлении двигаться, а также тем, что чехословацкому руководству все же приходилось считаться с мнением руководителей Комуча [Там же, с. 148-149].

Историки русского зарубежья дали характеристику роли чехословацких легионеров при наступлении на Казань. Они писали о том, что взятие Казани – это результат совместных действий чехословацких легионеров и местных антибольшевистских сил. По словам А. Котомкина (участника антибольшевистского движения, жителя Казани), в Казань совместно вступили чехословаки, сербы и отряды Народной армии [17, с. 11]. П. П. Петров отмечал, что взятие Казани – это «вершина успехов в Поволжье соединенных сил чехословаков и русских» [25, с. 351].

Советские историки в 1920-е годы писали о том, что Казань захватили «чехословаки» [14, с. 207] / «чехи» [1, с. 150], представителей местных антибольшевистских сил они при этом не упоминали.

В 1930-1950-е годы «чехословаки» и «чехи» превратились на страницах исторических трудов по истории Гражданской войны и иностранной вооруженной интервенции в «белоинтервентов» и «белочехов». Такая

трактовка соответствовала концепции обобщенного образа врага. При таком раскладе оценка «персонального» вклада отдельных представителей антибольшевистских сил в дело захвата Казани представлялась весьма проблематичной и неактуальной.

В 1960-1980-е годы советские историки ещё не отошли от трактовки, согласно которой Казань «взяли чехи» [16, с. 228]; впрочем, отдельные авторы писали о совместных действиях «чехословаков» и «белогвардейцев» [7, с. 90; 21, с. 39].

Современные отечественные историки пишут о падении города под «стремительным натиском белочехов» [15, с. 33]; о том, что чехословацкие легионеры «были ударной силой при проведении Симбирской, Казанской операций» [5, с. 24]. А. Г. Рыбков подчеркивает, что на город наступали «чехословацкие войска» и «белогвардейские отряды» [26, с. 153]. При этом он отмечает храбрость, товарищескую взаимовыручку, быстроту, умелость и тактическое превосходство чехословацких легионеров [Там же]. Решающую роль в захвате города, по мнению историка, сыграла высадка чехословацкого десанта в районе Адмиралтейской слободы [Там же, с. 154].

В эмигрантской историографии была дана оценка пребывания чехословацких легионеров в Казани и их роли при обороне города.

По словам А. Котомкина, при подходе частей Чехословацкого легиона к Казани «волнение среди населения усилилось: одни говорили, что подошли бандиты, другие отвечали, что идут освободители, несущие закон, порядок и хлеб» [17, с. 9]; однако при вступлении в город все население Казани с восторгом встречало «своих избавителей – братьев Чехословаков, Сербов и отряд Русской Народной Армии» [Там же, с. 8]. По его словам, под Казанью воплотилась идея общеславянского братского единения [Там же, с. 11].

По поводу характеристики «боевых заслуг» чехословацких легионеров при обороне Казани в литературе русского зарубежья не было единого мнения.

Генерал К. В. Сахаров – один из наиболее активных критиков Чехословацкого легиона и легионеров – высказал суждение, что операции на Восточном фронте «велись, главным образом, также русскими добровольцами – белогвардейцами, отряды которых шли безропотно в подчинение чешским безграмотным офицерам и генералам» [27, с. 215]. Он приводил сведения, что Казань обороняли 2500 чехов и 2500 офицеров и добровольцев [28, с. 8]. Однако эти цифры не были подкреплены документально.

В. С. Драгомирецкий указывал на то, что Казань обороняли чехословацкие и сербские воинские части, а отряд под командованием Каппеля был уведен в Симбирск [9, с. 71].

Советские историки писали, что Казань была «во власти белочехов» [4, с. 46]. При оценке вклада представителей различных антибольшевистских сил в дело обороны Казани от частей Красной армии советские историки отмечали решающий вклад чехословацких легионеров [12, с. 63; 20, с. 92].

А. Г. Рыбков, ссылаясь на слова современника описываемых событий, указывал, что «кроме чехословаков, сербов и немногочисленных русских добровольцев никто воевать с большевиками не желал» [26, с. 159].

Особо пристальное внимание в литературе русского зарубежья было уделено рассмотрению обстоятельств оставления Казани чехословацкими легионерами. Это было связано с тем, что для эмигрантской историографии одной из главных тем был поиск причин поражения в Гражданской войне в России. В этом смысле события под Казанью могут считаться для антибольшевистских сил не только крупной победой (август 1918 года), но и первым серьезным поражением (сентябрь 1918 года).

По словам генерала П. П. Петрова, первые признаки усталости легионеров стали проявляться под Казанью [25, с. 41]. Более категоричен в своих суждениях был Славянофил (за этим псевдонимом скрывался бывший главком армий А. В. Колчака К. В. Сахаров. – А. В.), который назвал оборону Казани «лебединой песней чехословацкого выступления», когда «чехи не только перестали выполнять боевые приказы, но категорически отказались оставаться доле на позиции» [28, с. 9]. По его мнению, это было связано с тем, что под Казанью чехословацкие легионеры «впервые столкнулись с боеспособными силами красных» [Там же, с. 8]. Аналогичного мнения придерживались А. Зайцов [10, с. 231, 255] и А. Котомкин [17, с. 11, 32, 34]. А. Котомкин, который столь восторженно писал о роли чехословацких легионеров в захвате города, говорил позднее о «деморализации, охватившей чехословацкие легионы, когда они от берегов Волги покатались назад» [Там же, с. 11]. По словам Славянофила, прикрытие отступавших чехословацких легионеров легло на плечи русских офицеров [28, с. 9]. Несогласие с данной точкой зрения выразил профессор, генерал М. Иностранцев, который отмечал, что под Казанью «чехи отступили одновременно со всеми войсками и своего участка не бросили» [11, с. 36]. П. П. Петров отмечал, что чехословацкие легионеры несли службу с первых дней августа, но стали уставать [25, с. 105], а В. С. Драгомирецкий подчеркнул, что вся тяжесть обороны города легла на плечи 1-го чехословацкого полка [9, с. 180-181]. Он подчеркнул, что чехословаки мужественно сражались с многократно превосходящими их силами Красной армии и покинули город только тогда, когда положение на фронте стало для них действительно критическим [Там же, с. 72]. После оставления города в рядах чехословаков началось брожение: они были недовольны отсутствием помощи со стороны союзников, а также слабой (в военном отношении) поддержкой со стороны местного населения [Там же].

В советской историографии этому аспекту было уделено чуть меньше внимания. Советские историки писали о «паническом отступлении врага» [7, с. 98], называли освобождение Казани «переломным моментом в борьбе против чехословацкого мятежа» [21, с. 86]. А. Х. Клеванский отмечал, что в августе 1918 года, после начала контрнаступления частей Красной армии, широкий размах приобрело «дезертирство, участились случаи сдачи в плен и коллективных, организованных отказов идти на передовые позиции» [16, с. 266]. После первых серьезных поражений боеспособность чехословацких частей снизилась, началось «морально-политическое разложение» [Там же, с. 261]. А. Х. Клеванский объяснял это прежде всего «прозрением»

основной солдатской массы, которая стала ощущать, что они оказались втянуты в вооруженный конфликт вопреки своей воле и стали при этом «орудием чуждой им и чуждой России политики» [Там же, с. 265].

В современной отечественной историографии отмечается, что именно под Казанью среди чехословацких легионеров стали усиливаться антивоенные настроения, после оставления Казани последовала «полоса неудач и поражений» [26, с. 159, 160]. Отметим, что в своей работе А. Г. Рыбков ссылается (помимо всего прочего) на труды историков русского зарубежья и работы чехословацких историков. Подобный подход позволяет прийти к более взвешенным и объективным выводам.

Сюжет о роли Чехословацкого корпуса в борьбе за Казань не был темой для отдельного исследования в отечественной историографии. Однако упоминание «чехословацкого фактора» в поволжских событиях августа-сентября 1918 года характерно для многих работ, посвященных Чехословацкому корпусу в целом или событиям Гражданской войны на территории Казанской губернии в частности.

В советской историографии тезис о единстве антибольшевистских сил (в том числе в смысле планирования совместных действий) преувеличивался, а расхождения в их рядах не принимались в расчет. В современной историографии эти расхождения не игнорируются и подчеркивается в чем-то вынужденный характер совместных действий при взятии города, то есть произошел отход от точки зрения о наличии у чехословацкого командования плана по захвату Казани. Современные отечественные историки в этом смысле ближе к эмигрантской историографии.

Советскую, эмигрантскую и современную российскую историографию объединяет признание важной роли чехословацких легионеров в захвате Казани. Разница в подходах заключается в характеристике «масштабов» этой роли: «солирующей» («чехословаки взяли Казань») или одной из главных (Казань взяли «белогвардейцы и чехословаки»). И в советской, и в эмигрантской историографии было высказано мнение, что при наступлении на Казань чехословацкие легионеры действовали как часть общей силы: однако если советские историки писали о военно-политической коалиции, то эмигрантские – об общеславянском единстве. Вопрос о роли чехословацких легионеров при обороне Казани был дискуссионным для эмигрантской историографии (во многом из-за критической позиции К. В. Сахарова). Советские историки указывали на важную роль чехословацких легионеров в обороне города: тезис о ведущей роли интервентов и второстепенной роли местных антибольшевистских сил в обороне города, вероятно, позволял прийти к выводу о слабой социальной базе местных антибольшевистских сил и преувеличивал роль «внешнего фактора». Современные историки, ссылаясь на мнение участников описываемых событий, пишут о значимости вклада чехословацких легионеров в дело обороны Казани.

Вопрос об обстоятельствах отступления чехословацких легионеров из Казани также был дискуссионным для эмигрантской историографии: было ли это отступление «начальной» или «финальной» точкой падения морального духа и боеспособности чехословацких легионеров? Мнения по этому вопросу разделились. Для советской историографии тезис о падении боевого духа чехословацких легионеров позволял подчеркнуть идею об обреченности антибольшевистского движения и отходе (в результате своеобразного «прозрения») от него отдельных сил. В современной историографии признается тот факт, что оставление Казани символизировало для чехословацких легионеров определённый рубеж, после которого их боевой потенциал действительно начал снижаться.

Одним из наиболее позитивных факторов в развитии современной отечественной историографии Чехословацкого корпуса в России является активное использование работ не только советских историков, но и историков русского зарубежья и чехословацких авторов. Это открывает новые перспективы в изучении этого важного сюжета из истории Гражданской войны в России и роли Чехословацкого корпуса в этих событиях.

Список источников

1. Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917-1920. Л.: Государственное издательство, 1925. 288 с.
2. Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. Казань: Восток, 1924. 258 с.
3. Бубеннов М., Валеев А. Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 году. Казань: Татгосиздат, 1939. 87 с.
4. Валеев А. М. Освобождение Татарии от интервентов и белогвардейцев в 1918 году. Казань: Редакция политической и исторической литературы, 1956. 92 с.
5. Васильченко М. А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в гражданской войне: автореф. дисс. ... к.и.н. Саратов, 2014. 26 с.
6. Ганин А. В. Переход Военной Академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани (июль-август 1918 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 2 (11). С. 54-80.
7. Гражданская война в Поволжье (1918-1920) / отв. ред. М. К. Мухарямов. Казань: Татарское книжное издательство, 1974. 495 с.
8. Гражданская война в СССР: в 2-х т. М.: Воениздат, 1980. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). 368 с.
9. Драгомйрецкий В. С. Чехословаки в России 1914-1920 гг. Париж – Прага, 1928. 219 с.
10. Зайцов А. 1918 год: очерки по истории Русской гражданской войны. Б.м.: Б.и., 1934. 275 с.
11. Иностранцев М. История, истина и тенденция: по поводу книги ген.-лейт. К. В. Сахарова «Белая Сибирь» (внутренняя война 1918-1920 гг.). Прага: Издание Союза русских военных инвалидов, 1933. 72 с.
12. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.
13. История Казани. Казань: Татарское книжное издательство, 1991. Вторая книга. 382 с.
14. Какурин Н. Е. Как сражалась революция: в 2-х т. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 272 с.
15. Каминский В. В. Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской Академии Генерального штаба из Екатеринбурга в Казань 23-24 июля 1918 г. (Часть II) // Новейшая история России. 2012. № 3 (5). С. 26-61.

16. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. М.: Наука, 1965. 394 с.
17. Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири. 1918-1920: воспоминания и документы. Париж, 1930. 173 с.
18. Лапандин В. А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: дисс. ... к.и.н. Самара, 1997. 245 с.
19. Литвин А. Л. Казань: время гражданской войны. Казань: Татарское книжное издательство, 1991. 174 с.
20. Литвин А. Л., Мухарямов М. К. Решающий рубеж. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. 168 с.
21. Мухарямов М. К. Гражданская война в Татарии (1918-1919). Казань: Татарское книжное издательство, 1969. 300 с.
22. Мухарямов М. К., Литвин А. Л. Борьба за Казань в 1918 году. Казань: Татарское книжное издательство, 1968. 88 с.
23. Ненароков А. П. Восточный фронт 1918. М.: Наука, 1969. 280 с.
24. Низамова А. Р., Нигамаев А. З. Гражданская война на территории Татарстана 1918-1919 гг. // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Пенза: Наука и просвещение, 2017. Ч. 1. С. 93-96.
25. Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: воспоминания, документы / сост. С. П. Петрова, Л. Ю. Тресиной. М.: Айрис-пресс, 2011. 544 с.
26. Рыбков А. Г. Чехословацкий корпус в Поволжье: 1918 год. Исторические очерки / под ред. Н. С. Яшина. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. 220 с.
27. Сахаров К. В. Белая Сибирь: внутренняя война, 1918-1920. Мюнхен: Б.и., 1923. 324 с.
28. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. Токио: Тип. Токио-Инсацу-Кабусики-Кайша, 1921. 48 с.
29. События гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев: сборник произведений / сост. В. Ю. Сорокин. Казань: ИСБ, 2012. 528 с.
30. Хрулев В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М.: Военное издательство, 1940. 100 с.

Domestic Historiography on the Role of the Czechoslovak Corps in the Battle for Kazan in 1918

Valiakhmetov Al'bert Nailevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
albert80@mail.ru

The article considers views of the Soviet, émigré and modern Russian historians on the role of the Czechoslovak corps in the battle for Kazan in 1918. Special attention is paid to studying historians' opinions on the following issues: attitude of the Czechoslovak corps command to the seizure operation, contribution of the Czechoslovak legionnaires to the seizure and defence operations, circumstances that forced them to abandon Kazan. The author shows how the dominant historiographic conceptions (the thesis about the joint anti-Bolshevik camp – in the Soviet historiography, attempts to find causes of the defeat – in the émigré historiography, synthesis of the existing foreign and domestic conceptions – in the modern Russian historiography) influenced approaches to the problem.

Key words and phrases: Civil War in Russia; battle for Kazan in 1918; Czechoslovak corps in Russia; Czechoslovak legionnaires; domestic historiography.

УДК 930.1(09):329.021.3(571)

Дата поступления рукописи: 26.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.16>

В статье исследована историография идейных позиций и внутривнутрипартийных отношений как явлений политической культуры социал-демократии Сибири накануне и в период Первой русской революции. Выявлены условия, особенности и противоречия функционирования исторической науки в СССР во второй половине 30-х – 50-х гг. XX в. Раскрыто влияние этих факторов на процесс изучения политической культуры социал-демократов региона. В работе проанализированы причины отказа от исследований проблемы примиренчества в сибирском социал-демократическом движении на рассматриваемом этапе советской историографии.

Ключевые слова и фразы: политическая культура; культ личности; советская историография; Сибирский союз РСДРП; большевики; меньшевики; идейные позиции; внутривнутрипартийная борьба.

Исачкин Сергей Павлович, д.и.н., доцент
Омский государственный университет путей сообщения
isachkinomsk@rambler.ru

Отражение политической культуры социал-демократов Сибирского союза в публикациях второй половины 1930-х – 1950-х гг.

Политическая культура играет важную роль в разностороннем процессе общественного развития. От ее состояния во многом зависят взаимоотношения социальных слоев населения, выбор форм и методов общественно-